

Т.Б. Любимова

Традиционализм и цивилизация*

Традиционализм, основателем которого считается Р.Генон, является мистической и эзотерической доктриной мироздания, судьбы человечества, его истории и доступных человеку познаний мира. В этой доктрине утверждается духовная, сверхчеловеческая сущность Единой Традиции, частными и ограниченными вариантами которой являются конкретные исторические культуры. Иными словами, утверждается трансцендентность Принципа Единой Традиции по отношению к эмпирической истории человечества. История выстраивается в циклическом времени, концептуальным образцом которого выступает членение временных периодов в индуизме на юги и манвантары.

Традиционализм утверждает универсальность принципов цивилизации, но он эти принципы не извлекает из наличного материала, то есть из разнообразных культурных форм, существующих в настоящее время или существовавших в обозримом прошлом. Иными словами, принципы эти не извлекаются из эмпирических данных. Они считаются метафизическими и неисторическими, в истории они только лишь проявляются. Противоположным основанием утверждения универсальности цивилизационного процесса для большинства размышляющих на эту тему как раз является видимая (доступная для узнания) картина истории, высший принцип которой может быть каким-то образом дан для познания. Достаточно вспомнить Гегеля и его рассказы о развертывании Абсолютного Духа через все ступени

---

* Работа выполнена по гранту РГНФ 06-03-00009а «Толерантность культуры и глобализация мира».

сознания. Развертывается же он в физическом, наличном мире. Во всех случаях образцом и вершиной такого развития оказывался западный мир, критерием, как правило, выступали наука, техника, этический прогресс или же накопление материального богатства. Материальная сторона, безусловно, принималась всеми как достижение. Критики же цивилизации ограничивались ее моральной и духовной стороной, разложение и деградация которой представлялась как распад основ цивилизации. Критерии высокого развития всегда берутся из арсенала представлений участников и сторонников этого развития.

Термин цивилизация в этом случае употребляется в единственном числе. Противники этой позиции говорят о многих цивилизациях, иногда отождествляя с ними особенности каждой более или менее отличимой от других культуры. Однако утверждать единственность цивилизации можно и на других основаниях, а именно на том, что человечество есть единое целое и проходит единый путь своего становления. При этом необходимым предположением становится телеологическая природа истории. Иными словами, за видимыми рисунками событий просматривается целесообразный порядок и целенаправленная воля, превосходящая наше эмпирическое разумение. Тогда цивилизация едина, а ее исторические варианты суть реализация различных ее аспектов, возможностей, в определенном смысле, пробы и ошибки. Такой подход как раз свойственен по сути традиционализму, хотя его представители называют цивилизациями как раз эти конкретные исторические варианты упомянутого единства, которое носит имя Единой Духовной Традиции. В отличие от картины единого поступательного и разумного хода истории, направляющейся из царства необходимости в царство свободы, традиционализм усматривает ее движение в противоположном направлении, точнее говоря, из царства духовной жизни в хаотическое и катастрофическое состояние крайней материализации.

Вопрос о количестве цивилизаций, их размерности и параметрах связан с широко распространенным мнением о «восходящем развитии» или прогрессе человечества. И опять, критерии взять больше неоткуда, как только из арсенала оценивающего этот прогресс. Если просвещенческий, а впоследствии и материалистический, взгляд на историю этот прогресс уверенно утверждает, то традиционализм столь же уверенно его отрицает, а утверждает, напротив, регресс. На то, что материальный прогресс представляется очевидным, традиционалист отвечает: современный человек уже настолько деградировал, что не может себе даже вообразить, каково его истинное (здоровое) состояние, ведь этот прогресс творится за счет чего-то невосполнимого.

Существует водораздел между научным (социологическим, историческим) и метафизическим рассмотрением истории и тех «сущностей» (сообществ, групп, культур, цивилизаций), которые в этой истории неким образом пребывают и претерпевают изменения или их провоцируют. Он лежит не в том, как эти сущности понимаются, а в том, что причины их образования и смысл их существования полагаются совершенно различным образом.

В традиционализме иерархия мыслится иначе, чем при обычном употреблении этого слова. Иерархия тоже строится не по эмпирическим критериям, то есть никакие заслуги в материальной области деятельности не определяют позиции в этой иерархии. В ней не может быть какой-нибудь «экономической элиты», тем более финансовой, спортивной, политической. Элита может быть только духовной и интеллектуальной. Причем не образование и обучение в нашем смысле, то есть накопление сведений и навыков, ведут к обретению позиции в иерархии, а только качество субъекта и посвящение. Эрудиция ничем не может помочь в обретении особого качества знания в каждом конкретном случае. То есть если верхний уровень иерархии нарушен (интеллектуальная элита), то его нельзя восполнить, обучив «подножье» пирамиды: кто был ничем, тот никогда не станет всем или хотя бы кем-нибудь, кем-то. Обретение качества происходит через посвящение.

Характерно отношение к переломным моментам истории, например к эпохе так называемого осевого времени. Теоретики истории цивилизаций видят в этом смену всего строя жизни, возникновение новых социальных и культурных институтов, новых идеологических форм. Почему они вдруг возникают – то ли из-за развития производительных сил и производственных отношений, то ли по причине смены ступеней развертывания Абсолютной Идеи, то ли из-за относительного перенаселения, – объяснения привлекаются из той же плоскости, в какой обнаруживаются и сами рассматриваемые феномены. Смена типов цивилизаций есть для них эмпирический факт. Возникновение трансцендентного «иного мира» (боги архаического человечества были, как считают исследователи, невидимым продолжением жизненного повседневного порядка, «предками») рассматривается как эволюция или революция типов социальной и культурной организации. Для традиционализма причина таких важных изменений коренится в общем характере проявления духовного принципа. Высшая Духовная Традиция (она едина для всего цикла проявления, а значит, для всех обществ и цивилизаций) со временем, по ходу истории, удаляется из форм повседневной жизни, становится

ся достоянием исключительных, замкнутых сообществ и групп. Иными словами, она становится эзотерической, недоступной для непосвященных. Необходимость в развитии и формализации (все возрастающей со временем) новых социальных институтов и культурных форм можно понять как замещение и восполнение утраченного духовного и интеллектуального смысла. Так в возникших новых религиях, наряду с глубокими традиционными символами, возникают различные доктрины, происхождение которых можно назвать чисто человеческим, источником коих является чувство и воображение. Чем дальше та или иная религия отходит от изначальной Традиции, тем больший вес приобретают эти чисто человеческие моменты. Они представляются важными с точки зрения социальной функции религии, поставляя для данного общества формулы целей, элементы мировоззрения, ритуалы, образцы поведения и чувствования, интегрируя его таким образом. Но именно эта чисто человеческая составляющая религий ведет к образованию закрытых сообществ, к противостоянию с другими, где в роли интегрирующей идеологии выступают другие варианты религий. Чем дальше от Традиции, тем вероятнее война всех против всех. Чем более формализованы религии, тем вероятнее религиозные войны.

Обычное возражение в адрес любой теории нисхождения от более высокого уровня к современному состоянию человечества состоит в том, что археология не предоставляет никаких данных, подтверждающих эту точку зрения. Однако это возражение может быть аннулировано с точки зрения традиционализма тем, что с эзотерической точки зрения высшее состояние мира отделено от низшего, нисходящего состояния как бы непроницаемым экраном. Подобно тому, как больной человек просто не знает (не помнит), что такое здоровье, хотя может встречать здоровых людей каждый день, так и деградирующее человечество просто не видит более высокое (здоровое) состояние, утраченное, как представляется, навсегда. Даже если бы археологи и нашли что-нибудь, они не могли бы это опознать как знак более высокого развития. К тому же, на самом деле, такие следы нередко встречаются на Земле: Великая Пирамида, Пирамиды в Америке, Стоунхендж, Баальбек и т.п. Слишком много свидетельств, и они еще не поняты!

Наши идеи относительно хода истории неизбежно остаются только идеями; мы можем только строить гипотезы относительно общего рисунка событий, их смысла, влияний друг на друга, не говоря даже о так называемых движущих силах истории и о характере исторического времени. Теоретические конструкции науки истории и философии

фии истории неизбежно остаются только гипотезами, в том числе и потому, что из бесчисленного количества событий надо выбирать некие «значимые» и затем их между собою связывать, оправдывая устанавливаемые связи тоже весьма произвольно, исходя из собственных представлений о жизни. История всегда строится от современности назад, в прошлое, а излагается, наоборот, от условного «начала» к настоящему времени, как будто книга, которая читается с конца к началу. Образно эту ситуацию можно себе представить как экран (на нем отображено все прошлое, из которого мы различаем лишь очень малую часть). На этом экране множество точек (это события, о которых по некоторым причинам остались различные следы на экране). Исследователь или философ смотрит на этот экран (ведь он не может видеть непосредственно все прошлое, в лучшем случае только фрагменты своей прошедшей жизни). Чтобы объяснить видимую картину на экране, в которой невозможно найти смысл и порядок, он либо соединяет какие-то точки между собой, полагая, что они и в действительности были связаны причинным образом, либо накладывает свою конфигурацию, свой контур, соответствующий его идее относительно связи событий, пренебрегая остающимися точками, как несущественными. Гегель, очевидно, идет вторым путем. Он строит контур, по его представлениям, поступательного обнаружения Истины за ее недостаточными или превращенными формами. Этот контур начинается и заканчивается в его собственной философии. Только на первый взгляд это кажется несколько странным и натянутым. То же хотел сделать и Кант (устранив прежнюю метафизику и создав окончательную, неопровержимую, научную), то же намеревался сделать Гуссерль. Вообще для философа это отнюдь не странная идея. Она вытекает из главной установки западной философии — надежно установить если не саму Истину, то, по крайней мере, выстроить путь к ней из утверждений, основанных на достаточных основаниях, которые выдвигает и принимает сам автор.

Гегель шаг за шагом «помогает» Истине своим рассуждением расти и созревать по ходу становления разных исторических форм сознания. Он утверждает прогресс в постижении Истины. Он абсолютный антитрадиционалист. Согласно Генону, напротив, Истина все более и более закрывается от деградирующего человечества. Правда, причины этой деградации он представляет несколько абстрактно, согласно традиционному взгляду сменяется все целиком состояние мира. Предыдущее состояние оказывается непроницаемым для последующего.

Формой проявления истины для Гегеля являются ступени развития сознания и самосознания. Они разворачиваются в социальной жизни, в искусстве, религии, философии и науке. Первый момент самосознания дает начало диалектике господства, власти, которая объективируется в социальной жизни.

Воля к власти противоположна в определенном (важном) отношении воле к жизни. Власть и господство имеет своей противоположностью рабство и подчинение. В диалектике раба и господина Гегеля первым шагом самосознания является готовность принести в жертву жизнь *другого*: «Каждый идет на смерть другого» и «Риском жизнью подтверждается свобода»¹. Поэтому противостояние господина и раба идет не на жизнь, а на смерть. Власть есть возможность односторонне реализовать такую жертву. Власть, господство над вещью есть работа над ней, абсолютная власть есть абсолютное разрушение вещи. Раб — это вещь, наделенная самосознанием. Поэтому абсолютная власть над человеком есть его уничтожение. Вещь выступает посредником в отношениях «раб и господин»: раб над ней работает, а господин ее потребляет, то есть уничтожает, оставляя за рабом не уничтоженными только те способности, которые необходимы для подготовки вещи к уничтожению (потреблению). Ее подлинный инструмент — уничтожение жизни. Идеально выражено это в «Скупом рыцаре» А.С.Пушкина. Власть здесь выступает в своем настоящем облике, то есть в виртуальном, небытийном облике денег. Деньги, как концентрат мертвого времени, не ведают никаких жизненных человеческих отношений, но требуют абсолютной жертвы всем жизненным и человеческим.

Гегель как бы излучением своего гениального ума осветил сумрак этих всепроницающих взаимных отношений господства и рабства, «тайнообразующих» все прочие социальные, личные и культурные явления. Это тот элемент, из которого с разными модуляциями строятся все социальные институты, они же и обслуживают этот основной элемент сублимации воли к власти. А.Платонов так разъяснил древнюю идею о мудрецах во власти словами своих героев: «Помнить можно на изделиях, а власть — там уже умнейшие люди: там от ума отвыкают! Если б человек не терпел, а сразу лопался от беды, как чугун, тогда б и власть отличная была!» и: «Власть — дело неумелое, в нее надо самых ненужных людей сажать»².

Истинная противоположность власти есть не абстрактная (отрицательная) свобода, которую якобы граждане ей делегируют через политические институты, а полнота жизни. Воля к жизни есть первая и естественная потребность каждого существа, обитающего на нашей

планете Земля. Древняя мудрость находила вполне естественную и органичную возможность не сталкивать эти множественные проявления единой воли к жизни в неразрешимых противоречиях. «Никто не нарушает никаких границ» — утверждает в Ригведе. Мы, конечно, не знаем, как реально жили люди в те далекие времена. Важно, что предписывалась такая норма и утверждалась такая возможность гармоничного «мирного сосуществования» всех со всеми, в отличие от современной «войны всех против всех». Нарушение динамичной и многосложной гармонии было вызвано таинственной причиной, когда власть человека в своем мире (где человек для себя и царь и бог) как бы вывернулась наизнанку и обернулась страстью к господству над мирами других людей. Это только современному человеку представляется нормальным устройство общества на фундаменте власти и подавления воли другого, господства и рабства, подчинения. Он не может иначе помыслить себе организацию совместной жизни, ведь добровольно никто не захочет предпочесть общественный интерес — личному; интересы с момента этого тайного нарушения уже никак не могут совпасть. Личная воля всегда оказывается «злой» по установленным с этого же момента критериям, а свобода — отрицательной. Отрицательную свободу каждого надо согласовывать с такой же свободой других (договор), а злые воли, само собой, надо подчинять «доброй», то есть господствующей, овладевшей инструментами власти (концентрированным мертвым временем, то есть ценностями данного сообщества, оружием, собственностью, которая имеет смысл только тогда, когда что-нибудь можно отнять у кого-нибудь). Социальные и культурные институты суть каркас этой многовековой болезни социума, за счет этого каркаса он и существует. Его невозможно сломать или разобрать, «разморозить», потому что просто все рассыплется как песок. Каждая личность-песчинка воспроизводит внутри себя этот ледяной каркас, сотканный из модуляций того же основного элемента «господства и рабства», так что «выдавить» раба можно только вместе с господином. Личность-песчинка в процессе социализации уже давно пожертвовала своим «жизненным миром», который можно теперь так называть лишь в насмешку, потому что он состоит не в «познании самого себя», а в принятых в данном социуме нормах, ценностях и сведениях, в ограниченном наборе «данных». Внутри этого «жизненного мира» тоже воспроизводятся отношения раба и господина, человек якобы должен быть господином самого себя, господином своих страстей и т.п.: вопреки распространенному мнению о том, что человек стал рабом своего тела, надо заметить, что как раз, наоборот, к телу, к своему соб-

ственному организму человек вынужден относиться как господин к рабу. Эта установка является следствием противопоставления духа и тела, когда «тело» понимается лишенным духа и сознания, как и вся несколько обделенная «природа», которая тоже якобы всего этого лишена. Поэтому природа тоже выступает в роли раба, правда, она на это, оказывается, и не думает соглашаться. И мнимому «господину» приходится за это расплачиваться. Гегель пронизательно обозначил поле, на котором разворачивается диалектика раба и господина (меняющихся своими местами, как в танце), очертив его страхом смерти, готовности к ней и к принесению ей в жертву другого. Это отношение не рождается в социуме, оно рождается в сознании и производит социокультурные формы.

Слово традиция означает «передача», однако чаще под этим имеют в виду не способ передачи, а то, *что* передается. При этом в истории мысли под традицией понимались довольно разные вещи. Иногда с традицией отождествлялась вся культура, ведь она же передается во времени от поколения к поколению. В противоположность такому широкому пониманию традицией или традициями нередко называют обычаи, нравы и верования, распространенные среди тех или иных народов, общностей или групп. Различают также «большую» и «малую» (локальную) традиции.

Интерес к проблеме традиции в европейской науке и в общественном сознании связан в принципе с двумя историческими обстоятельствами. Первое состоит в ускорении социальных изменений, приведших к революциям становления современной западной цивилизации, а второе заключается в расширении исторического кругозора европейцев, столкнувшихся с другими культурами в своей повседневной жизни (а не только в рассказах путешественников, которые можно было принять за сказки или вовсе игнорировать). Иными словами, проблема традиции обозначила относительность собственной культуры, осознание этой относительности и попытку «исправить положение».

Принципиально различаются два подхода к решению вопроса относительно того, чем является Традиция в жизни человека и тех обществ, в составе которых он эту жизнь проводит. Первый ответ, и он же наиболее распространенный в сегодняшней науке и философии, состоит в том, что каждое сообщество имеет свои традиции, они передаются во времени, то есть транслируются и сами являются способами трансляции образцов поведения, мышления, чувствования, взаимных отношений между людьми. Эти социокультурные традиции суть продукты жизнедеятельности соответствующих сообществ

и они же суть регуляторы этой жизнедеятельности, то есть они представляют собой неким образом фиксированный опыт конкретного исторического сообщества или даже социальной группы. В этой плоскости рассмотрения традиции обычно противопоставляют инновации, нововведениям, и, следовательно, традиции подлежат оценке, являются объектом не столько интеллектуального познания, сколько аффективного (эмоционального) и ценностного отношения. Иными словами, традиции суть продукт социума и носят исторический и, в этом смысле, эмпирический характер, хотя в них речь может идти о метафизических предметах. В таком случае содержание традиций (пусть даже и метафизическое) не принимается всерьез, то есть оно не признается априори истинным именно потому, что оно есть содержание обычаев, сложившихся верований, религиозных и других форм социальной жизни. Их содержание *фактично*, оно признается отвечающим фундаментальным условиям человеческого существования, архетипично, но вопрос об истинности здесь не стоит. Так рассматривают традицию социология, психология, этнография при всех модификациях, которые могут в деталях расходиться, но в принципе сходятся. Традиция при этом как таковая не считается неким священным предметом, а полагается, что, напротив, она и есть механизм сакрализации тех или иных социальных функций и ролей. То есть на самом деле эти предметы не священны, но в целях нормального функционирования сообщества они считаются священными, в них *верят*. Понятно, что так понятая традиция чаще всего противопоставляется рациональному началу и вообще всякому интеллектуализму. Она оказывается объектом веры, чувства, преданности, принимается практически бессознательно. Человек с самого рождения оказывается окутанным традициями, которые сопровождают его до самой смерти, и он может этого даже не осознавать.

Второй подход, развитый Р.Геноном и другими мыслителями, близкими ему по своим воззрениям, отличается мистической окраской, в нем четко различаются два уровня рассмотрения: явный, профанный, т.е. доступный обыденному сознанию, и скрытый, тайный, священный, доступный сознанию, освободившемуся от ограничений профанного видимого мира. Скрытое, тайное, эзотерическое знание открывает совершенно иную панораму истории человечества, отличную от той картины, которую рисует эмпирическое познание исторических «фактов».

Традиция едина, и это изначальное единство находится вне исторического времени, оно вообще вне человеческой истории. Она имеет божественное, духовное происхождение. Так называемое ми-

фологическое время, «время бно», не считается здесь продуктом воображения или памятью бессознательного. Время «начала» в высшей степени реально и как раз оно и есть время Традиции. Это полностью согласуется с утверждением о божественном происхождении Вед в индуизме, впрочем, практически в каждой культуре указывается на божественный источник знания, письменности, устного предания, других культурных установлений и норм. Антропологи называют таких «авторов» знаний, норм и прочих установлений культурными героями, однако они полагают, что такие герои суть продукт исторической мифологизации, то есть это герои-мифы. При чем миф, конечно, понимается как несущий в себе ценностное и аффективное значение, но не является знанием. Доктрина Единой Духовной Традиции, напротив, полностью разделяет позицию Вед, да и сами мифы не считает вымыслами, сказками, а демонстрирует их эзотерическую, «оборотную» сторону, показывая, что их видимая, профанная сторона есть шифр знания о законах духовного мира. Напротив, сторонники концепции «традиции-обычая» интерпретируют символизм мифа, как правило, через соотнесение с социальными и природными явлениями при довольно узком понимании природы и общества.

К Единой Духовной Традиции, о которой говорит Р.Генон, принадлежит не только существующее сейчас человечество, она охватывает собою все космические циклы, то есть она объемлет все универсальное существование. В нашем цикле изначальное знание о Традиции предоставляет индуизм, причем в историческом времени, когда Веды были записаны и разделены в соответствии со стихиями (неразделённая Веда соответствует эфиру), это изначальное знание становится трудно доступным, оно становится в этом смысле тайным, эзотерическим. Возникает иллюзия разнообразия учений: ведизм, брахманизм, индуизм, тантризм. Однако это лишь «развертки», конкретизация учения Вед, всё, что из учения Вед не выводится или противоречит ему, должно быть исключено из Традиции. Однако учение Вед, а тем более ведические ритуалы, какими они были «в начале» (в более светлые эпохи), теперь уже не могут практиковаться и быть поняты как таковые, они комментируются и истолковываются, упрощаются и приспособляются к уровню сознания современного человека.

Но в историческое время мы можем обнаружить великое разнообразие культур, религий, верований, нередко таких странных и противоречащих друг другу. При этом каждая из них, как правило, считает только себя истинной, а остальные ложными или даже демони-

ческими, а другие народы — варварскими. Как все это согласуется в единстве, если на протяжении всей известной истории человечества мы видим лишь раздоры и войны, в том числе и религиозные?

На этот вопрос ученые, занимающие позицию позитивной и рационалистической науки (социологи, антропологи, историки), с одной стороны, и традиционалисты, — с другой, дают совершенно разные ответы. Для первых, если обнаруживается сходство некоторых черт в различных культурах, то инварианты (неизменные компоненты и структуры) ищутся на уровне психологии, особенностей социального устройства или исторических обстоятельств, в которые попадали носители этих культур. То есть отмечаются эмпирические, по существу случайные аналогии, обобщая которые ученые делают далеко идущие выводы. Традиционалисты же, напротив, считают все существующие на Земле культуры и цивилизации вариантами проявления трансцендентных эмпирическому познанию принципов, которые носят не материальный, а духовный характер, имеют нечеловеческое происхождение, то есть эти принципы нельзя выдумать, создать произвольно или же познать, не возвысив свое сознание до необходимого уровня.

Здесь уместна аналогия с цветом и светом. Луч белого света содержит в себе все оттенки цветов; они, цвета, там не «смешаны», а суть одно. Когда же мы смешиваем отдельные цвета, то есть краски (аналогия сложившихся и проявленных форм), мы не получаем белого цвета, а если смешать все цвета, краски, то получится грязный, почти черный цвет. Белый цвет, если смешивать элементы его состава, превращается в черный! Изначальная Традиция — это «белый свет», содержащий в себе все потенции, все варианты исторических религий и культур, их многоцветную мозаику, разворачивающуюся в пространстве и времени. Как раз методы и установки современной науки в этой области приводят к такому смешению, когда основным цветом оказывается серый.

Согласно теории Генона, культуры (во французском языке чаще используется слово цивилизация с тем же значением) не вырастают одна из другой подобно ветвям дерева, не являются прямыми наследницами друг друга, хотя все они и живут за счет единого невидимого «метафизического ствола» Традиции. Их можно представить себе скорее как проявленные отпечатки или же проекции некой не проявленной (если принять геометрический образ, то многомерной) сущности на плоский «экран» физического, воспринимаемого чувствами мира явлений. Интересно, что сам материальный мир возникает в ходе этого проявления, то есть «экран» создается вместе с «отпечат-

ками»! Эти отпечатки или проекции несут в себе только определенные аспекты или даже фрагменты, черты, но они не вмещают Традицию полностью, однако и не являются полностью чуждыми ей, в противном случае они просто не могли бы существовать. Духовная Традиция, трансцендентная миру явлений, полностью явлена лишь в первые мгновения мирового цикла (Сатья-Юги). Развертывание ее во времени, или, точнее говоря, развертывание времени в пространственно-материальный мир есть нисхождение. Абсолютного разрыва с Традицией тоже не может быть, в таком случае пространственно-временной материальный мир мгновенно свертывается. Но это происходит уже в самом завершающем периоде цикла, очевидно, в конце Кали-Юги.

В самом общем виде позицию Р.Генона можно сформулировать следующим образом.

Существует изначальная Духовная Традиция, охватывающая собою все Универсальное Существование. Существуют различные типы цивилизации, как и различные типы людей, причем эти различия не случайны. В процессе нисхождения Традиции различия сначала увеличиваются в соответствии с градацией ступеней сознания, а затем (в эпоху, уже близкую к нам) происходит их хаотическое смешение, возникает псевдо- и антитрадиция. Нельзя утверждать превосходство того или иного типа цивилизации в абсолютном смысле; в едином плане Универсального Существования все они занимают свое место. Нет прямой линейной зависимости между ними. Общее движение во времени всей последовательности представляет собою нисхождение от более полного и истинного Знания к смешанному, искаженному, частичному типу ментальности.

Для постижения эзотерических связей, пронизывающих Универсальное Существование и символически представляемых Традицией с ее конкретными воплощениями в той или иной культуре, религии, цивилизации, недостаточно познания, ориентированного на материальный мир, то есть чувственно-рационального. Необходимо развивать высшие способности, а именно интеллектуальную интуицию. Целью же изучения различных духовных традиций, существующих и существовавших в историческом времени, должно быть формирование подлинной интеллектуальной элиты, которая ориентировалась бы на постижение высших принципов и была бы способна действовать в согласии с ними. От формирования и качества этой элиты зависит весь порядок жизни и устройство сообщества, его нормальность, что означает для каждого человека, живущего в этом сообществе, возможность духовной реализации, какую бы социальную

позицию он ни занимал. Именно она, элита, ответственна за трансляцию истинного Знания из бесконечного божественного вселенского источника в мир воспринимаемых чувствами и умами форм и имен, то есть в привычный для нас мир конечного опыта, физический мир. Традиция, таким образом, понимается как истинное Знание и высший интеллект. Она транслируется не во времени, по горизонтали, так сказать, а из вечности во время, при этом выбор нужного момента во времени, когда будут открыты тем или иным людям или сообществам Знания, невозможно предсказать, исходя из представлений нашего ограниченного опыта. Дух, как говорится, дышит, где хочет.

Очевидно, что такое понимание Традиции значительно отличается от распространенного представления о ней, как о прошлом опыте, свернутом в устойчивых культурных формах и социальных институтах, который передается от одного поколения к другому. Чуждая метафизики наука всегда имеет в виду только близкие к нам в историческом времени конкретные социокультурные стандарты, образцы, фрагменты, которые по какой-либо причине выжили в соревновании с другими соседними, современными им, более ранними или более поздними, стандартами, образцами, фрагментами, даже обрывками. Эти обрывки и фрагменты прошлой культуры (своего общества или какого-то другого) нередко составляют архаический слой в составе актуально действующей культуры, слой, по преимуществу не осознаваемый, принимаемый фактически и бессознательно. В этом смысле, поскольку такие образцы и фрагменты действительно могут содержать не только следы эмпирического опыта, но и аспекты метафизической Традиции, она может присутствовать и не быть различаемой большинством людей в каждом элементе культуры. Не различается она из-за особой «оптики» общеупотребимых элементов культуры. Например, на полу лежит ковер, в середине которого выткан большой кругло-квадратный «цветок». Если в него взглянуть и вдуматься, то можно увидеть и «прочитать» мандалу, а в ней ведь заключена определенная метафизика, эзотерическое представление о мире. Так мы буквально попираем ногами Традицию, не замечая ее присутствия.

Таким образом, первое принципиальное отличие в понимании того, что есть Традиция, заключается в ее отношении со временем, в первую очередь, конечно, историческим, но не только. Понимание исторического времени зависит, разумеется, от метафизической концепции времени. О том, что такое время Традиции, переживание которого еще сохранялось в архаических обществах, М.Элиаде пишет: «В таких обществах считалось, что миф передает *абсолютную* истину, так как повествует *священную историю*, то есть стоящее выше челове-

ка откровение, имевшее место на заре Великого Времени, в священное время начал *in illo tempore*. Будучи *реальным* и *священным*, миф становится типичным, а следовательно и *повторяющимся*, так как является моделью и, до некоторой степени, оправданием всех человеческих поступков. Другими словами, миф является *истинной историей* того, что произошло у истоков времени, и предоставляет образец для поведения человека. Копируя типичные поступки бога или мистического героя или просто подробно излагая их приключения, человек архаического общества отделяет себя от мирского времени и магическим образом снова оказывается в Великом священном времени»³. Исключительно значение, признаваемое за «началами», имеет разные варианты и, разумеется, встречается повсюду. Отсюда и повсеместно встречающаяся идея восстановления, возрождения, воскресения чудесным образом или с помощью различных духовных практик и связанная с этим цикличность времени. Возврат к началам равноценен исцелению от страданий существования в историческом времени. Наиболее разработанной и философски осмысленной эта концепция времени была в индуизме с его делением на юги, манвантары. Р.Генон тоже принимает индуистскую концепцию деления временных периодов. К тому же время качественно, циклично, причем конец и начало цикла лежат вне времени, вне проявленного мира. Время — это творческая сила (шакти Брахмана, например, у Бхартрихари, это кукловод, душа Вселенной⁴).

Если традиционное общество отождествляют с примитивными, до письменными, до индустриальными племенами, живущими вдали от центров западной цивилизации, то есть просто противопоставляют его современному состоянию западной цивилизации, то принимают близкое к обыденному представление о времени как о линейной, необратимой направленности или же более чувственный образ потока, реки времени. В таком случае «традиционное общество» начинает «скользить» по оси исторического времени вспять, не встречая на своем пути какого-то определенного своего образа. Традицией в таком случае можно назвать все, что кануло в прошлое, но тем не менее может быть как-то предъявлено для современности. Отсюда возникает определение традиции как наследия, а вместе с этим и неопределенность относительно того, что можно признать традицией, а что таковой не является. Иными словами, это понятие приобретает исключительно охранительный и в то же время негативный оттенок. Оно противопоставляется современности, а современность постоянно «скользит» по оси времени. Отсюда две противоположные, но между собой связанные установки по отношению к та-

ким «историческим традициям»: с одной стороны, уважение и демонстративная приверженность к ним, а с другой стороны, призывы «начать всё с начала», начать историю с чистого листа, потому что состояние, признаваемое современным (в данный момент истории) представляется невыносимым по какой-то причине. Очевидно, что в таком случае на самом деле и нет никакой традиции, а под этим скрывается только проблема модернизирующегося или вообще изменяющегося общества или группы. Это его проекции на неподвижный экран прошлого, проекции его собственного беспокойства. Тогда проблема оборачивается простым консерватизмом, который сопротивляется нововведениям всякими обманными методами, как представляют дело его противники.

Иначе говоря, это вопрос об инвариантах культуры в историческом времени, в чем, пожалуй, согласны обе схематично изложенные нами позиции. Для позитивной науки традиция – это обобщение коллективного опыта, транслируются же результаты этого обобщения как нечто повторяющееся (например, через подражание), то есть как инварианты, относительно неизменные образцы. Для эзотерического традиционализма, напротив, традиция есть принцип, делающий возможным вообще всякий опыт и культуру; принцип, хотя он явно нигде не формулируется, можно сопоставить с Абсолютной Идеей Гегеля, по отношению к которой сама природа и все человеческое существование суть инобытие. Первая точка зрения неизбежно ведет к эволюционизму, когда прогресс осуществляется через накопление опыта и традиция есть продукт этого опыта, то есть память. Вторая предполагает план творения, вселенский замысел, развертывающийся и воплощающийся не совсем явным образом по ходу истории, а опыт пребывания и действия человека в проявленном физическом мире становится возможен только благодаря тому, что Единая Духовная Традиция невидимо присутствует в истории. Культура как память есть отрицание ее метафизической составляющей, без трансцендентного «окна» она превращается в культуру компьютера. Для второй точки зрения традиция передается не только и не столько по горизонтали, как эстафета, сколько из некоего невидимого вневременного «штаба», причем «распоряжения» этого штаба не обязательно зависят от непосредственно предшествующих. Говоря современным научным языком, ноосфера Земли есть источник этих «распоряжений», выступающих для конкретной культуры как особая культурная традиция. Ноосфера как ментальный план самой Земли, а не как результат умственной деятельности человечества, хотя и оно принимает активное участие в ее жизни. Понятие традиции коррелирует с понятием

сущности (ведь сущность тоже есть инвариант явлений и свойств), из чего следует, что традиция не где-то вне культуры или она какая-то ее часть, а что она присутствует в каждом элементе культуры, но со временем ее черты становятся все менее и менее различимы. Они не различимы из-за особой оптики повседневности, как в рисунке ков-ра мы не видим мандалу.

Процесс потери из виду высших принципов в повседневной жизни связан со «спуском» от золотого века к железному, от Сатья — к Кали-Юге. Сами принципы не могут исчезнуть, просто большинство людей не руководствуются ими в своей деятельности. Последствия этого — искажения буквально во всем, в природе, в сознании, даже в самом организме человека.

Если верить свидетельствам древнего, давно прошедшего времени, — а почему бы им и не поверить? — то в начале пребывания человека на нашей Земле люди жили очень долго, библейские персонажи жили каждый много сотен лет. Веды говорят, что в Сатья-Юге люди жили по тысячи лет, китайские «предки» тоже были долгожители, а для даосизма долголетие (и бессмертие) всегда считалось высшей ценностью. Почему мы должны считать такое долголетие мифом? Только потому, что современный человек не может пока этого достичь? На самом деле в этом нет ничего невероятного. Ученые говорят, что клетки человеческого организма рассчитаны на более долгую жизнь. Причины же такого сокращения, прямо скажем, дегенерации, лежат не на поверхности. В Библии сказано, что после потопа Бог сократил срок жизни людей.

Непроницаемая водная преграда отделяет нас от нашего же прошлого, на эту зеркальную поверхность-преграду мы и проецируем самих себя настоящих, полагая, что такими люди были в далеком «допотопном» прошлом. И видим в той древности, которая на самом деле близка к нам, состояния варварства и дикости. Но это наше «мифотворчество», навязываемое прошлому, оно есть лишь проекция ограниченности нашего собственного понимания, наших возможностей. Эти «варварские» состояния мы принимаем для человеческой цивилизации в качестве исходных. Подтверждения же этому находим среди примитивных племен, образ жизни и культура которых, как нам представляется, сохраняет черты начальных времен человеческой цивилизации. Хотя такое предположение на первый взгляд и кажется весьма правдоподобным, но в действительности такие племена являются скорее всего примером деградации от более высокого уровня культуры, образцом забвения своих истоков. Они могут сохра-

нять совершенно непонятно каким образом полученные знания высокого метафизического порядка (например, племя дагонов в Африке, жрецы которого обладают неким тайным знанием, если, конечно, это не мистификация антропологов). Иными словами, состояние дикости и варварства может быть вполне вероятно следствием деградации, а не отсталости.

Тот факт, что археологи не находят следов высокой цивилизации, предшествующей нашему историческому времени, может быть объяснен по-разному. Во-первых, мы не знаем, что мы ищем и что надо искать, во-вторых, самое вероятное, что прежние цивилизации настолько превосходили современную, что они жили, не оставляя следов, то есть не нарушали гармонии Земли и Вселенной, не оставляли «мусор» от своей деятельности на Земле.

Во многом причиной такой аберрации исторического зрения может быть характерное для современной западной цивилизации отношение к природе, и даже не столько отношение к ней, сколько вообще идея природы, принятая в ней к руководству. Эта идея выработалась при слиянии разных культурных потоков: эллинизма, иудаизма (как такового и через посредство Каббалы, алхимии и прочих тайных наук), христианства, влияния арабской культуры. Это понятие (природы) было ядром становящейся науки. Оно вызревало долго и с переменным успехом, чтобы прийти к современному его истолкованию, на котором покоится весь корпус естественных наук. Его не было в других культурах, так что можно говорить о современной идее «природы», как о некоем уникальном эксперименте над сознанием человека. Существует ли на деле что-либо, соответствующее этому понятию? Ведь технология и так называемые успехи науки еще не доказывают ее существования. Гипотезы науки должны просто не противоречить друг другу и специально ставящимся экспериментам, но ни то, ни другое не может быть доказательством существования этого мнимого предмета, природы, представляемой именно таким образом. Каким же? Коротко говоря, предмета, лишенного самодетельного духовного начала, лишенного свободы воли, лишенной мысли, желания, чувства. То есть представляемого как «мертвая» природа. Очевидно, что для традиционного человека таковая не существовала. Да она не существует и для поэтического сознания, которое в этом ближе к истине:

«Не то, что мните вы, природа:
Не слепок, не бездушный лик, —
В ней есть душа, в ней есть свобода,
В ней есть любовь, в ней есть язык...»

Истина вещей видится в их завершении:

«Когда пробьет последний час природы,
Состав частей разрушится земных:
Всё зримое опять покроют воды,
И божий лик изобразится в них»

(Ф. И. Тютчев).

Если природа лишена души, если Бог, сотворив природу, отошел от дел и предоставил все «законам природы», то есть формальному рационализму безжалостного и безличного «судопроизводства» могучих, но слепых сил, то к ней нельзя и обращаться, с ней нельзя общаться. Она превращается в объект, который ведь все равно не слышит, не внемлет! Вообще, это понятие невозможно привести к строгому определению, оно довольно парадоксально и как бы создано для того, чтобы производить неопределенности и двусмысленности. В современном виде оно кристаллизовалось в противопоставлении к идее свободы.

Немецкая классическая философия этому противопоставлению уделяла особое внимание. И. Кант свободой называл идею разума, в отношении закономерностей природы она выступает как «начало причинной цепи», как бы спусковой крючок действия, но в самой природе мы ее обнаружить никак не можем. Без идеи свободы невозможно нравственность, культура, искусство, государство и право (ведь если не предполагать свободу воли, то человека нельзя судить ни за какие поступки, то есть он становится неменяемым). Для Гегеля природа это инобытие Духа, только в человеке дух обретает присущую ему свободу. Насилию природы человек противопоставляет негативность и насилие рассудка, он становится господином природы. Природа для Гегеля это то, что лишено самосознания, она «вещь», опосредующая отношения раба и господина.

Последователи немецкой классической философии и просто большинство философов принимают противопоставление природы и свободы, настолько убедительно и впечатляюще в ней была представлена эта оппозиция. Но не пришло ли время пересмотреть соотношение этих понятий? При всей многозначности термина «природа» в нем можно выделить два совершенно разных потока смыслов: природа как порождающий принцип, творящий индивидуальную форму, и, с другой стороны, природа как тотальность всего существующего, исключая специфически человеческие определения, то есть «всё минус человек». Для западной иудео-христианской традиции только в человеке есть свобода, индивидуальность, историчность. Значит, «Божий лик» никогда не изобразится в водах природы, если

он не изображается в них всегда. Значит, только человек есть образ Божий. Все время, в течение трех тысяч лет казалось, что Бог отдыхает после семи дней творения, а Он, оказывается, умер, такое резюмировал Ф.Ницше из всей этой идеологии. Но такой вывод естественно складывается не только в уме больного человека, но и в умах больного человечества. Действительно, если Бога нигде нет в тотальности природы, то Его нигде нет. Его место только в сознании (среди идей разума, для Канта), в сознании абсолютной сущности, то есть в религии, для Гегеля. Сверхчувственное потустороннее есть лишь «пустая тьма», по его выражению: «Лишь в самосознании как понятии духа — поворотный пункт сознания, где оно из красочной видимости чувственного посюстороннего и из пустой тьмы сверхчувственного потустороннего вступает в духовный дневной свет настоящего»⁵. Красочная видимость (покров Майи) скрывает только пустую тьму, если в тотальности природы нет ни свободы, ни личности, ни историчности. Бог не глядит в ее воды, в ее многообразии форм нет никакого смысла. Значит, она лишена мысли, она — неживая. И Солнце не брат наш, и вода не сестра наша. Природу можно испытывать, наблюдать, устраивать ловушки, расследовать ее преступления (эксперименты) и т.п. Потустороннее пусто, поскольку неизвестно. А если вспомнить, что в результате развития философской мысли в этом русле сознание стало трактоваться только как негативность (как «ничто» у Ж.П.Сартра), то лишилось смысла все.

Человек перестал прислушиваться к голосу Вселенной, хотя сам он есть свернутая вселенная. Он отделил себя от нее экраном незнания. На этом экране начертал свой «проект» природы, какой она ему представилась на этом экране. Поскольку непосредственный доступ к истинному знанию, которым исполнена Божественная Вселенная, оказался для него закрытым, то он стал восстанавливать хотя бы какую-нибудь связь, какой-нибудь канал, доставляющий частичные познания. Стали развиваться различные духовные практики, мобилирующие психические силы человека, находиться ритуалы, частично восстанавливающие связь с духовным миром, складываться религии, собирающие воедино схемы этой деятельности. Чем дальше уходил образ Божественной Вселенной и чем больше взгляд человека упирался в экран «красочной видимости чувственного посюстороннего», тем темнее и страннее казалось пространство за «экраном», превращаясь в «пустую тьму сверхчувственного потустороннего».

В любой культуре, сколь ни была бы она не традиционной, все равно скрыто присутствуют элементы Традиции, без которой она вообще лишилась бы источника духовной энергии. В европейской культуре таким элементом как раз и была концепция микро- и макрокосма, то есть человека как аналога Вселенной.

Смысл концепции человека как «малого космоса» не в сопоставлении его различных органов и систем с созвездиями и планетами, а в том, что Вселенная всегда присутствует во всем составе человека, в его тонком, физическом и духовном «теле». Каждый атом и каждая клетка человеческого организма помнит о сотворении мира, о его становлении и о зарождении жизни. Можно сказать, что знание в нас живет, но по какой-то причине оно нам недоступно. Природой в таком случае можно было бы счесть строй развертывания мира человека в согласовании с замыслом Вселенной. Тогда та Единая Духовная Традиция, о которой речь шла вначале, и есть этот замысел. Только лишь отдельные моменты и аспекты воплощаются в той или иной религии или культуре. В западной культуре формировалась идея природы по типу «сознания раба-вещи» параллельно с кристаллизацией абстрактных спиритуалистических религий, производных от иудаизма. Понятно, что это взаимосвязанный процесс. Чем дальше Бог от мира, от своего творения, чем он более абстрактный и «вне-природный», тем больше природу надо покорять, господствовать над ней, исправлять и даже истязать, в лучшем случае охранять. Борьба с пантеизмом как бы изгнала Бога из тотальности природы, в христианстве по крайней мере, поскольку для христианства мир во зле лежит, а природа — испорчена грехом. Естественно, что негативность распространяется не только на так называемую внешнюю природу, но и на тело, плоть самого человека, не говоря уже о других живых существах, которые признаются бездушными, безумными. Разумеется, что и отношения между индивидами, то есть все социальные установления, в таком случае также покоятся на негативности, в первую очередь на страхе. Фрагментарность современной культуры, смешанность частей чужеродных традиций, плюрализм с принципиальным отсутствием доминанты естественно завершают этот ход мысли. Смешение, отсутствие центра («зияющие высоты», эта саркастическая характеристика может относиться не только к советской философии), ничто и никто не имеет собственного места, все транслируется и складывается. Можно просто признать смешение как данность, а можно искать не только исторические причины такого состояния, но и метафизические.

Смешение есть характерная черта для любой существующей в настоящее время на Земле культуре. И говорит оно в первую очередь о том, что не найден гармоничный способ пребывания человека на Земле. Современная цивилизация ярче всего показывает, что человек неуместен на Земле, по крайней мере в его настоящем состоянии. Она, цивилизация, уже едина, поскольку связана насквозь по

всем направлениям организации жизни, едина как «сеть», улавливающая «пыль веков», результат смешения. Еще полвека тому назад актуально было противопоставление Востока и Запада по признаку традиционности. Сегодня в странах Востока то, что можно назвать традицией, занимает в обществе статус, аналогичный статусу западной традиции в западном же обществе. Информация, технология, экономика и политика связывают все страны в один узел. Традициям как исконному образу жизни отводится место «в свободное время» или в мало доступных местах. Возник рынок традиций (конечно, как обычаев, ритуалов, разных культурных форм). А информационно-технологическая цивилизация, которая по своей сути есть война всех против всех, враждебна Земле как живому существу. Да она и не признает Землю живой, обращаясь с ней как с вещью или бесправным рабом. Не напрасно такую моду приобрела тема пришельцев, инопланетян. Таково самоощущение современного человека, ведь все эти безобразные существа американского кино суть не что иное, как объективация духовного мира самих авторов этих фильмов. Они популярны, значит, точно выражают состояние мира самого человека. Это, конечно, не доказывает невозможности никаких пришельцев. Эта гипотеза есть одно из возможных объяснений того несомненного факта, что все события человеческой истории и становления самого человека носят целенаправленный, а не случайный характер. Вмешательство «чуждых» сил как бы оправдывает деградацию «образа и подобия», признавая несоразмерность человека всему строю земной природы. В то же время «пришельцы» замещают собою мифологическую фигуру врага бога, демонов, титанов, асуров, Ахримана и т.п. Все это еще раз говорит нам о том, что никакая «демифологизация» на самом деле невозможна. Научное знание не распространяется далее маленькой, высвеченной лучом сознания «полянки» в бескрайности всего сущего, оно в принципе исходит из форм физического мира и относится, прежде всего, к ним; с этим связано и ограничение метода, который признается законным и допустимым для получения знания. Все, что вне этого, может быть признано наукой как не совсем надежное знание, непроверяемое представление или как результат воображения. Непререкаемый авторитет науки в области знания, как известно, совсем недавний исторический феномен. Сложившись в оппозиции к книжному, схоластическому знанию, он вытеснил возможность другого типа знания в пограничные области интеллектуальной жизни. Параллельно научному знанию существует, конечно, и мистическое познание, но со временем его начинают воспринимать как маргинальное. Понятно, что живое откровение отрицается

доминирующей религией, так как она подчинена догме и сохраняет ее, охраняясь ею. Для религии откровение фиксировано; как правило, считается, что оно было однажды и больше такого события не предвидится (например, «печать пророков» в исламе). Становящаяся наука тоже постепенно от него отрекается, ведь откровение не контролируется ее методом. Действительно, как можно контролировать то, что дается Богом: «Бог дал мне знание. Не я, которое есмь Я, знает это, но знает это Бог во мне». И еще: «И нет в природе ни одной вещи, которая была бы сотворена бесцельно, каждая являет свой внутренний облик и внутренне постоянно работает на откровение»⁶, — пишет Я.Бёме.

Изгнать идолов из области знания, предлагал Ф.Бэкон, довериться числу, наблюдению, опыту, мере, весу, все остальное подвергнуть немедленно осмеянию. Философия, прежде всего, должна проверить границы возможностей разума, рассмотреть познавательные способности, а уже после этого можно будет заняться метафизическими вопросами, настаивал И.Кант. После Канта и сама философия должна была превратиться в «строгую науку», по крайней мере ни в чем ей не перечить. Результаты в виде научно-технического прогресса не заставили себя ждать. Кризис этого прогресса тоже быстро стал очевиден. Выходы из кризиса искались, конечно же, в социальном устройстве, в преодолении неравномерного развития стран, «отсталости» традиционных культур. Сегодня стало очевидно, что движущаяся в этом направлении цивилизация уничтожает саму себя, уничтожая не только свою среду обитания (живую Землю), но и свой «состав», человека, как существо неповторимое, микрокосм.

Неуместность человечества (такого, каким оно себя проявляет в современной антитрадиционной цивилизации) на Земле и несообразность его деятельности для земной природы вызывают к метафизике. Их никак нельзя вывести из постепенного эволюционного развития культурных традиций, понятых как накопленный опыт предшествующих поколений. Здесь количество никак не может перейти в какое-нибудь достойное качество.

Для возникновения такой полностью искусственной цивилизации должна быть «сфабрикована» и соответствующая ментальность, утверждает Р.Генон в книге «Царство количества и знамения времени»: «Прежде всего, следовало свести индивида лишь к нему самому каким-нибудь образом, и в этом, в особенности, как мы уже объясняли, и состояла работа рационализма, который отрицал за человеком обладание и использование любой способности трансцендентного порядка»⁷. Материализм характеризует эту ментальность во всех

отношениях. Этому соответствует социальный хаос и непрерывное состояние войны, не только «войны всех против всех» в самом социуме, но и между странами, так что: «...Идею «вооруженной нации» могут навязать всем умам за очень редким исключением. И в этом тоже можно видеть действие верования в одну только силу числа.... Добавим еще, что эти всеобщие войны не были бы возможны, если бы не другой специфически современный феномен, а именно, образование «национальностей» вследствие разрушения феодального порядка, с одной стороны, и с другой — одновременного разрыва высшего единства «христианского мира» средних веков; и не задерживаясь на рассмотрении этого, что завело бы нас слишком далеко, отметим только, как отягчающее обстоятельство, непризнание духовной власти, которая одна только способна нормально осуществлять действенный арбитраж, потому что лишь она одна, по самой своей природе, существует над всякими конфликтами политического порядка». «Тот, кто развязывает грубые материальные силы, погибнет раздавленный этими самыми силами, хозяином которых он больше не является, когда они неосторожно приведены в движение»⁸.

Единый «христианский мир» уже давно не существует, нет и верховной духовной власти не только всемирной, но и никакой. Если взглянуть на историю христианства, то она выглядит отнюдь не благостно и безоблачно, а как раз напротив. Раздоры, разногласия, расколы, наконец религиозные войны составляют ее главные события. Разногласия могут даже иметь смешной оттенок. Так Б. Рассел с нескрываемой иронией рассказывает, как в Англии «отменили» ад: «В нашей стране, как вы знаете, вера в ад перестала считаться необходимой частью христианского вероучения в силу постановления Тайного совета. Правда, архиепископ Кентерберийский и архиепископ Йоркский не признали этого постановления, но в нашей стране официальная религия устанавливается законами, принимаемыми парламентом, и поэтому Тайному совету удалось взять верх над их светлостями и вера в ад перестала считаться обязательной для христиан»⁹.

Понятно, что духовная власть, о которой писал Р. Генон, отнюдь не совпадает с исторической церковью. Впрочем, эзотерическое ядро учения римской католической церкви он считал подлинно традиционным.

Если обратиться к исторической судьбе России, то на первый взгляд православная церковь тоже может претендовать на статус подлинно традиционной; имеется в виду, конечно, не столько неизменность обрядов и сохранность догм. Как и во всех религиях, в ее учении также содержатся определенные эзотерические знания, то есть моменты Традиции, в ритуалах используются традиционные симво-

лы, но это не значит, что она есть полнота ее воплощения. Ведь каждая религия претендует на полноту истины. Мотивы, по которым предлагается считать Россию православной страной, тоже не отличаются весомостью. Например, говорят, что в Российской империи православие было государственной религией, империя просуществовала, причем расширяясь, почти триста лет. Значит, это было правильное историческое решение. Однако «симфония» духовной и светской власти (наряду с другими причинами) привела к катастрофе, разрушению государства, разорению страны, во всяком случае не способна была этому никак противостоять. Другой мотив звучит так: наши отцы тысячу лет тому назад выбрали эту веру, значит, мы должны хранить ее. Во-первых, христианская вера на территории России была не добровольно принята, а насаждалась огнем и мечом. Во-вторых, тысячу лет тому назад эта вера была введена кн. Владимиром на Киевской Руси, на территории современной Украины. В России процесс ее внедрения проходил позже и шел еще очень долго. Двоеверие всегда оставалось характерным для русской ментальности, что, кстати, отразилось и в художественной литературе, но уже в измененном виде (тема двойников). Не говоря уже о том, что древняя славянская религия сохранялась в элементах обычаев и верований народа.

Замечательная исследовательница обычаев и верований древних славян М.Семенова пишет: «Древняя религия наших предков, которую некоторые считают забытой, до сегодняшнего дня продолжает жить в наших повседневных обычаях....Как представляли себе мир славяне-язычники? Ученые пишут, что он казался похожим на большое яйцо. А у родственных и соседних народов существуют даже сказания о том, как это яйцо было снесено «космической» птицей. У славян же сохранились отзвуки легенд о Великой Матери – родительнице Земли и Неба, праматери Богов и людей. Ученые полагают, что имя Великой Матери было Жива, или Живана»¹⁰. Вселенная была устроена весьма сложно, так, например, небо состояло из девяти слоев, отсюда и широкое употребление слова «небеса». Вообще космос древних славян очень сходен с представлениями о Вселенной и человеке в традиционной культуре, в частности с ведическими идеями. Может быть, действительно, Традицию надо искать на другой исторической глубине? Тем более что на этой глубине представления о Вселенной и о человеке сходны с представлениями многих народов, живущих на территории России. Но можно ее искать не в прошлом, а в будущем, в новой религии, которая должна прийти на смену существующим, поскольку очевидно, что ни одна из них не отвечает на запросы души современного человека, на «вызовы истории», если воспользоваться

этим удачным термином А. Тойнби. Это должна быть религия Земли, единая для всех людей, с наибольшей полнотой воплощающая в себе истинную Единую Традицию человечества. И в центре этой религии должен быть Бог Земли, а не абстрактные идеи. Конечно, сейчас трудно себе представить такую религию, ведь существующие сейчас разные боги многих религий между собой непрерывно сражаются (руками людей), так что «бой богов» идет испокон веку; они же не захотят, наверное, добровольно сойти со сцены.

Что же касается общественного устройства, государства, то не обязательно слишком далеко уходить в глубь веков, чтобы понять, что в ближайшем к нам историческом времени ни в России, ни в других современных странах не существует ни оптимального социального устройства, ни подлинной духовной власти. Дело в том, что духовная власть не может быть властью как таковой, господством. Вспомним диалектику господина и раба, в которой обе стороны противостояния, и господин и раб, несвободны, да ведь и Бог не рабовладелец! Тем более Он не разбойник, чтобы испытывать перед ним страх («страх божий»). Иными словами, духовная власть есть, прежде всего, авторитет духовного мира самого человека для него же. Человек находится в центре своего мира, здесь он для себя царь и Бог, от него в его мире исходит свобода, ему ее никто не может *дать*. И только в этом центре он неразрывно связан с Вселенской Духовной Традицией, а через нее с Богом.

Препятствиями для реализации столь чудесного проекта могут стать, среди прочего, три момента, добавочных к тому, что этой реализации должны сопротивляться устоявшиеся привычки, убеждения, мнения. Первый: деградиционные воронки, размещенные в теле культуры как черные дыры в космосе. Второй: аналитический схематизм того, что заменяет современным людям метафизику. Третий: карикатурные образы магии, мистики, вообще духовной жизни, имеющие массовое распространение. И все эти моменты проявляются в пустой трате времени: таким способом люди «убивают время», которое у них оказалось якобы в избытке.

Если последний момент-препятствие кажется довольно понятным, то первые два требуют разъяснения.

Что такое «деградационные воронки»?

В чем суть схематизма, разве метафизика не есть мышление, которое не может не быть схематичным?

О деградиционных процессах в культуре, социуме, экологии говорится много, и мы не будем их обсуждать не потому, что ответы найдены, а потому, что истинные причины этого слишком глубоки и невероятны.

На простом примере большого скопления народа (зрителей, болельщиков, участников всевозможных массовых действий) можно показать оккультный механизм деградации человека. Что такое стадион? Место, где болельщики в едином порыве как бы «сливаются» в одно существо, враждующее с другим таким же «как бы существом», тоже присутствующим на этом же стадионе. Душа, лицо и «схема тела» существа на стадионе там, на поле, только они раздвоены, как у шизофреника. А что такое выступление какой-нибудь звезды, певца, группы, певицы? Место, где слушатели в едином порыве слились в одно существо, душа, лицо и голос которого там, на сцене. Понятно, что по этому принципу образуются и все другие скопления, объединяемые единым порывом.

Зачем человеку, представляющему собой уникальное и самостоятельное, даже в духовном плане самодостаточное создание Бога, стремиться к такого рода «слиянию», растворению своей личности в более примитивном психическом субстрате, ведь толпа всегда выстраивает свой энергетический потенциал и свои действия по наиболее низкому уровню из всех присутствующих в ней уровней? Я думаю, что эти люди, охваченные «единым порывом», на самом деле в тонком плане составляют одну личность. Как это может быть и почему это происходит?

Господствующая научная идеология, да и некоторые религиозные доктрины, например христианство, отрицают возможность многократного рождения человека в физическом мире, то, что называют «колесо сансары», круг рождений и смертей. Однако если мы признаем, что существо человека не ограничивается его физическим телом (а это даже наука не отрицает!), то нет никаких оснований отрицать такую возможность. Тем более, что средствами физического мира никто не может этого проконтролировать. Примем, что человек рождается многократно. Другое дело, что это может быть вынужденным решением, ведь если человек изначально жил как минимум тысячу лет или даже более, то ведь он так и должен эту тысячу прожить, в несколько заходов, так сказать. Сократилась продолжительность жизни по причине беззакония, нарушения вселенского закона (дхармы). В чем суть такого нарушения? Конечно же, в преступлении против универсальной заповеди «не убий», которая есть в любой подлинной традиции. Что происходит при насильственном прерывании жизненного пути? Не только расставание души с телом, но и нарушение той единой, сквозной программы, которая объединяет собою в одно существо все духовные, тонкие и физическое «тела» (или как их называют «планы») человека, по отношению к которому его физическая

составляющая при всей ее невероятной сложности есть только отпечаток на плоскости бесконечной многомерности. Физическое тело это как бы плоское фото по отношению к реальному существу. Упомянутая программа при насильственном расставании души и тела рассыпается на кусочки, фрагменты, не успевая соединиться с душой. Каждый фрагмент, естественно, воплощается заново, ведь программа не выполнена. Чем больше на Земле убийств и войн, тем больший хаос возникает в тонком плане нашей Земли, тем больший хаос в жизни человека и в жизни окружающей его природы. Тем меньше среди рождающихся людей настоящих, не фрагментарных человеческих существ. Эти фрагменты, естественно, любят собираться вместе, как бы находя друг друга, сливаются в едином порыве вокруг центра — на стадионе это поле, в зале сцена и т.д. Там, в центре — замена души, эрзац их единой личности. При всей мощной энергии, возникающей при этом, это все равно тщетные усилия, а слияние, конечно, мнимое, другое и невозможно. Но самое коварное в этом процессе то, что синтезированная таким образом энергия служит вовсе не выполнению или исцелению каждого из участников, а как раз противоположной цели, а именно еще большему дроблению, деградации, понижению духовного уровня. Иными словами, уже в самом физическом мире идет работа уничтожения ставших уже невыполнимыми программ. И выполняет эту работу inferнальная деградационная воронка. То, что в религиях названо адом (бог Яма, бог смерти выполняет ту же функцию), проступает в проявленном мире. В современной культуре большинство процессов организуются по схеме таких деградационных воронок. Помимо этого есть и множество других путей, ведущих в этом же направлении. Создается впечатление, что человечество давно уже включило самоликвидатор. Все его действия, явные и неявные, контролируются этим механизмом самоликвидации.

Кстати, с этим же связано и так называемое перенаселение, которого так опасаются сторонники глобализации. Тонкий план всегда отзывается на деяния человека на Земле. В течение последних десяти тысяч лет на нашей планете идут непрекращающиеся войны. И это главное деяние человечества — война всех против всех, то есть в течение последних десяти тысяч лет люди убивают себе подобных. Для духовного мира это предстает как запрос, выглядит как жертва, ведь жертвуют обычно чем-то важным, тем, в чем нуждаются. Люди испокон веку в ритуалах «кормили» богов в надежде, что те не прервут и для человека его процесс питания, дадут ему хлеб насущный. В случае войн боги тоже отзываются, посылая все новые и новые души для

воплощения, ведь каждое убийство для них есть просьба о многократном восполнении потерь. Плюс к этому воплощаются и фрагменты духовных программ погибших людей. Души убитых воплощаются сразу во многих телах, ведь они не успели реализовать себя, получить опыт пребывания в физическом мире. Собираясь вместе (деградационные воронки), они чувствуют себя хорошо, в безопасности.

Что касается второго препятствия, то есть схематизма мышления, то, действительно, мышление пользуется схемами, анализируя в согласии с ними те или иные явления. Причем серьезное отношение к печатному тексту (и несерьезное к написанному от руки, а тем более просто произнесенному вживую голосом) лишь усиливает этот схематизм мышления, доводя его до диаграммности, «графиковости». Всякое сохранение смысла во времени, его начертание с целью передачи, трансляции, развертывает его в график, диаграмму, схему. Страх быть непонятым и страх непонимания еще более усиливают эту тенденцию. Понимание в таком случае ограничивается наложением схем, диаграмм друг на друга. Если они совпадают, то человеку кажется, что он нечто понял. Разъяснения, примеры, интерпретации накручиваются на эти графики и схемы смыслов, создавая призрачную сложность мышления. Все эти спутанные «клубки смыслов» образуют лабиринт современной культуры, культуры смещения. Чем больше стараются ее прояснить (в философских системах и научных теориях), тем больше она запутывается. Из этой тотальной путаницы может мгновенно вывести фантазия, воображение; они поднимают человека *над* сетью аналитического мышления, выводят его из множества тупиков бесконечного лабиринта культуры. Выводят, но не надолго, вскоре он снова попадает туда же. Противоположный выход, симметричный воображению и фантазии, есть откровения, то есть открытость каждой конкретной души к знанию, коим насыщена Божественная Вселенная, включая нашу планету Земля и ее ноосферу. Отрицать такую возможность, значит ее запрещать, то есть прерывать связь с Единой Духовной Традицией. Традиция и есть открытость к информации, идущей от ноосферы, из информационного поля Земли и Вселенной. Ноосфера преобразует эту информацию, делает ее понятной для жителей Земли.

Многие мистические и оккультные теории выглядят очень странно с точки зрения распространенных в настоящее время, почти общепринятых убеждений относительно физического мира, духовной природы человека, культуры и общественных установлений. Суть этих убеждений в том, что физический мир принимается как основа, на которой неким образом покоится психический и духовный миры. Но

убеждения (они же мнения) это первый враг истины. Человек с устоявшимися, «прочными» убеждениями, как правило, закрыт для непредвзятого приятия новых знаний, не вмещающихся в старые схемы. Впрочем, сторонники оккультных теорий столь же упорны в своих убеждениях, и они вовсе не спешат выйти за границы привычных схем. Ядро этих предубеждений — соотношение физического и духовного мира. В одном случае за основу принимают первый, а в другом второй. Но суть от этого не изменяется. Я предлагаю свой вариант, конечно же, тоже схематичный, для прояснения этого вопроса, чтобы сделать более понятными высказанные выше идеи.

Представим себе тонкий листок, на котором нарисован сложный узор. Столь тонкий, что его можно свернуть в трубочку толщиной в линию. Так его мысленно и свернем. Теперь свернем его (теперь уже линию) в другом направлении, например, перпендикулярном первому. Очевидно, что он свернется в точку. Но рисунок-то на нем останется! Мы ведь его не стирали, не уничтожили. Теперь представим себе бесконечное множество таких листков разных размеров и конфигураций с разными рисунками и узорами. Все их свернем таким же образом, предварительно сцепив их краями. Не имеет значения, как мы это сделаем. Теперь это бесконечное множество свернуто в их тоже бесконечном многообразии в точку. Иными словами в этой точке бесконечная информация. Когда часть этих листочков разворачивается в непрерывную цепь, то возникает раскрытая или проявленная часть этой бесконечной в себе точки. Вот такое, конечно, весьма приблизительное и отдаленное изображение соотношения физического мира (развернутой непрерывной цепи информации) и духовной Вселенной (бесконечной в себе точки). Я, разумеется, не утверждаю ничего относительно «природы» ни того, ни другого, ограничивая свою аналогию только изображением их соотношения, да и то, с одной лишь информационной позиции. Можно этот образ модифицировать в каком угодно направлении. Важно, что физический мир есть развертка в определенном отношении бесконечной духовной Вселенной, что при этом он остается внутри этой Вселенной и что все в нем есть то же самое, что и в духовном мире, но это «то же самое» для чего-то или почему-то развернуто. «Большой взрыв», то есть возникновение физической вселенной, есть тогда преодоление некоего барьера, подобного звуковому барьеру, когда его преодолевает самолет. Понятно также, что наука изучает только то, что начертано на листочках, то есть существующее в относительном времени, а точнее говоря, на одном из листочков; полученное на основании только этих рисунков знание распространяется на все остальное. Все, что может быть вне этих рисунков, ею не просто «не имеется в виду», но во мно-

гих случаях отрицается, считается несуществующим: не поддается научному познанию, значит, не существует. Вселенная науки оказывается проекцией локального знания.

Можно сказать, что свернутая в точку вечность развертывается в то, что индусы называют относительным и абсолютным временем, *kāla* и *dravyakāla*, то есть время как мера движения и изменения (относительное) и время как субстанция, творческая энергия (абсолютное). В нашей модели относительное время присуще рисункам (они изображают события), а сами «листочки» развертывают абсолютное время. Разумеется, не стоит все понимать буквально, это только образ.

Если принять такое или похожее на него соотношение привычных для нас понятий физического и духовного миров, то тогда совершенно по-иному рисуется и образ человека, его природа, тогда можно безо всякого неудобства говорить о смысле его пребывания в физическом мире. Духовная Вселенная неизменно самотождественна, развернувшийся ее отпечаток в виде физического мира есть *иное* во всякое время и во всяком отношении самому себе бытие. Оно *стремится* поэтому вернуться к самотождественности. Исходя из этой метафизической предпосылки, можно спросить себя, какую роль здесь исполняет человек? Очевидно, что в такой модели если и возможна эволюция с ее перебором случайных вариантов (что составляет необходимый элемент этого понятия), то эта эволюция может иметь только локальное и ограниченное значение, а отнюдь не универсальное. А в отношении человека и его современной цивилизации она вообще предстает совершенно немислимой, ведь тогда эволюция ведет к созданию существа, враждебного всем ее предшествующим составляющим (человек уничтожает со значительной скоростью целые виды живых существ на Земле и разрушает не только их среду обитания, но и свою собственную). То есть ее цель, сохранение жизни, оборачивается своей противоположностью, уничтожением жизни.

Другим ответом на поставленный вопрос о смысле пребывания человека в физическом мире является представление о телеологии, то есть целесообразности и преднамеренном сотворении человека, а значит, и всего остального. Иными словами, все происходит согласно замыслу Бога, хотя замысел этот нам и не известен. Тогда человек может быть образом и подобием Бога, аналогом Божественной Вселенной, тогда Бог как бы из него, через его очи взирает на сотворенный им мир (сотворение мира тогда это раскрытие одной из бесчисленных потенций). В этом случае человек пришел в физический мир, чтобы раскрыть и постигать его возможности и чтобы уйти, обретая свою самотождественность.

Опыт творения-разрушения физических форм обретается с бóльшей легкостью, нежели опыт овладения памятью, а значит, и созданием. Разрушить физическую форму легче, чем стереть память. Чтобы овладеть искусством стирания памяти, надо обрести навыки действия в тонком плане (в нашем образе-модели мира это, вероятно, время-субстанция, абсолютное время, а физические формы, наверное, размещены в относительном времени). В прежние времена эти навыки назывались магией. Утончение и совершенствование навыков обращения с физическими формами зависит от способности ориентироваться в тонком мире. Это очевидно. Но только в физическом мире можно разглядеть, как через увеличительное стекло, дефекты того, *кто* совершенствуется. Разглядеть это можно на «экране» настоящего времени, только в этой точке оно смыкается со временем-субстанцией. И только здесь бытуют сознание и память. Ведь прошлого уже нет, у прошлого нет глубины; будущего еще нет, у него тоже нет глубины. И та и другая мнимые глубины представлены только в настоящем, на его экране (в нашей модели настоящее время есть горизонт субъекта, который осматривает и осознает рисунок на поверхности листочка).

Физический мир, таким образом, становится гигантским дефектоскопом для живущего в нем человека, и лучшее, что может сделать сам человек, это использовать его по назначению: найти (познать) самого себя и приобретать навыки создания-разрушения форм. Таков его долг по отношению к самому себе: познать себя через самого себя и спасать себя же через самого себя. Если в культуре эта принципиальная позиция забыта и задача откладывается на «после смерти» или перекладывается на каких-нибудь духовных «специалистов-авторитетов» (а именно так обстоит дело в большинстве современных религий), то такая культура определенно может быть названа нетрадиционной, несмотря на любую плотность насыщенности ее традиционными символами. Потому что суть Единой Духовной Традиции в обретении человеком истинного знания о самом себе, которое ему никто, кроме него самого, дать не может.

Примечания

- ¹ Гегель Г.В.Ф. Феноменология духа. СПб., 1994. С. 101, 102.
- ² Платонов А. Избранное. М., 1988. С. 237, 288.
- ³ Элиаде М. Мифы, сновидения, мистерии. М.— Киев, 1996. С. 22—23.
- ⁴ См.: Денисов Ю.В. Представления о времени в философии Бхартрихари // История философии. № 7. М., 2000.
- ⁵ Там же. С. 99.
- ⁶ Вер Г. Якоб Бёме сам свидетельствующий о себе и о своей жизни. Челябинск, 1998. С. 89 и 15.
- ⁷ Генов Р. Избр. соч.: Царство количества и знамения времени; Очерки об индуизме; Эзотеризм Данте. М., 2003. С. 206.
- ⁸ Генов Р. Избр. произведения: Традиционные формы и космические циклы; Кризис современного мира. М., 2004. С. 265, 270.
- ⁹ Рассел Б. Почему я не христианин. М., 1987. С. 96—97.
- ¹⁰ Семенова М. Быт и верования древних славян. СПб., 2000. С. 17—19.